

ПРАВО И ЮРИСДИКЦИЯ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ*

В результате роста римского господства в Италии в эпоху республики римскому праву оказались подчинены лишь те, кому в той или иной форме были дарованы права римского гражданства (конечно, посягательства на чужие права имели место начиная со II в. до н.э., но случались *ad hoc* и были бессистемны.)¹ Однако система римского управления в заморских провинциях с самого начала ассоциировалась с отправлением правосудия. Образ римского наместника Сицилии у Ливия (XXXI. 29. 8–9)², нарисованный противником Рима из Македонии в начале II в. до н.э., тенденциозен, но не лишен доли правды: «Римляне созывают сицилийцев на совет в Сиракузах, Мессане или Лилибее... Там совет ведет римский претор и, подчиненные его власти, сходятся посланцы городов; с высокого помоста, вознесенный над ними, окруженный ликторами, вершит он суд и расправу; их собственным спинам грозят розги, шее – топор».

Из этого мы не должны сразу же делать вывод о немедленном, полном и повсеместном подчинении римскому праву и римскому правосудию. В Сицилии даже в эпоху Поздней республики, когда в соответствии с так называемым Рупилиевым законом около 132 г. до н.э. установилась система отправления правосудия, гражданские споры среди сицилийцев, затрагивавшие лишь внутренние дела полиса, были оставлены в ведении суда самих сицилийцев (Cic. 2 Vergr. 1. 31–2, 37 sqq.). Схожие порядки впоследствии можно обнаружить в других провинциях, например, в Азии (по эдикту Квинта Муция Сцевола 95–94 гг. до н.э. – Cic. Att. 6. 1. 15) и в Кирене (после ее присоединения в 75 г. до н.э., судя по положению, существовавшему до Киренских эдиктов Августа – EJ 311 = SEG IX. 8).

Lex Rupilia в самом деле представляет собой первое дошедшее до нас отчетливое свидетельство систематического подхода к организации правосудия в Римской империи. Это не может рассматриваться как жесткий *terminus post quem*, но показательно, что именно с конца II – начала I в. до н.э. вообще начинают накапливаться имеющиеся в нашем распоряжении данные источников о судопроизводстве. В этой сфере деятельность римского магистрата всегда была ограничена временем, территорией и недостаточным штатом подчиненных. Кроме того, вероятно, для раннего периода истории римского управления было характерно экспериментирование – как со стороны наместника, так и со стороны провинциалов – относительно того, какие именно дела следует передавать ему на рассмотрение. Во всех провинциях, кроме самых небольших, скорее всего наместник не слишком стремился вмешиваться в тяжбы (если не были явно затронуты римские интересы), но сами тяжущиеся предпочитали заручиться судебным решением наместника в случаях, когда они считали это полезным. Даже когда Цицерон был наместником Киликии, где уже установилась определенная модель судебного разбирательства и существовала традиция отправления правосудия,

* Доклад, прочитанный на Международном симпозиуме «Древние империи и имперские идеологии» (Москва, 9–10 сентября 1996 г.).

¹ McDonald A.H. Rome and the Italian Confederation (200–186 B.C.) // JRS. 1944. 34. P. 11–33.

² По предположению Бриско, вполне вероятно, что у Полибия в соответствующем разделе его повествования была речь, но соответствие ее у Ливия и Полибия вовсе не обязательно.

добиваться доступа к наместнику, когда тот находился в пределах досягаемости, было заботой самих тяжущихся. В первый же год своего наместничества, летом, во время своей поездки на восток, Цицерон потратил в целом 25 дней в пяти разных *conventus*, т.е. в центрах судебных округов. В следующем году в Лаодикее (на самой западной окраине своей провинции) он провел три месяца в ходе объединенной судебной сессии для трех западных диоцезов, а затем последовал месяц в Тарсе на востоке (Cic. Att. 5. 20. 9; 21. 9; 6. 2. 4–6)³.

Это может навести на мысль, что воздействие Рима на провинциалов в этом отношении осуществлялось постепенно, методом проб и ошибок, но не следует преуменьшать значение того, что происходило на *conventus*. Когда магистрат все-таки вмешивался, само его вмешательство было реализацией властных полномочий. Кроме того, в принципе наместник, вероятно, должен был действовать в соответствии с римской правовой традицией, за исключением тех случаев, когда в этом не было никакой пользы для Рима и когда наместник сталкивался с сильной альтернативной местной традицией. Выраженное Цицероном (*De orat.* I. 195–197) мнение о том, что римское право есть единственная связная и последовательная система гражданского права и что XII Таблиц превыше библиотек философов, наверняка разделяли многие менее образованные, чем он, римляне из высших сословий⁴. Тем не менее, имея дело с перегринами, не обладавшими римским гражданством, римляне были склонны учитывать местные традиции, в особенности когда речь шла о праве лиц. Ранний пример тому – решение претора в Риме по делу потомков римских солдат и испанских жещици, которые по римским стандартам были *peregrini*, но, с точки зрения жителей Испании, видимо, не имели местного гражданства. В этом случае римляне пошли на компромисс, поселив их в Картейе, колонии латинского права, получившей название «колонии вольноотпущенников» (*Liv.* XLIII. 3. 1–4)⁵.

Римский магистрат, наделенный империем, как представляется, автоматически обладал и судебной властью. Недавно обнаруженный в Книде текст закона о преторских провинциях, датируемый 101–100 гг. до н.э., так называемый «пиратский закон», дает нам подробную информацию об этом⁶. В этом законодательном акте предусматривалось, что всякий раз, когда наместник оставлял или вынужден был оставить свой пост, тот, кому он делегировал свои полномочия, должен был иметь право вести следствие и выносить приговоры по уголовным делам, право осуществлять гражданскую юрисдикцию и выносить решения, в том числе о назначении судей и *recuperatores*, право утверждать манумиссии и брать залог, т.е. все обычные полномочия наместника провинции. Другими словами, он имел все те же полномочия, что и римский претор, но там они обычно не использовались одновременно, так как в Риме претор никогда не был одновременно гражданским магистратом и следователем по уголовным делам, если сенат или народ не давали ему особых поручений⁷.

Далее я хотел бы более основательно рассмотреть недавно опубликованные документы, относящиеся к провинциям Азия и Испания, которые проливают свет на влияние римского права и судебной системы в провинциях в эпоху Поздней респуб-

³ Marshall A.J. *Governors on the Move* // Phoenix. 1966. 20. P. 231–246.

⁴ П. Штайн (*Stein P.* *The Sources of Law in Cicero* // *Atti del terzo colloquium Tullianum* 3–5 ottobre 1976. Rome, 1978. P. 19–31) показывает, что хотя с философской точки зрения источником права – в представлении Цицерона – является *natura*, воздействующая на разум людей, определенность и действенность оно может обрести только посредством законодательных актов и неписаных традиций каждого отдельного общества.

⁵ Richardson J. *Hispaniae*. Cambra., 1986. P. 119 f.; Humbert M. *Libertas id est civitas*. *Autour du conflit négatif de citoyenneté au IIe s. av. J.-C.* // *MEFRA*. 1976. 88. P. 221–242.

⁶ Roman Statutes / Ed. M.H. Crawford. L., 1996. № 12 = *Hassall M., Crawford M., Reynolds J.* *Rome and the Eastern Provinces at the End of the Second Century B.C.* // *JRS*. 1974. 64. P. 195–220; *Cnidos*. IV. 32 ff.

⁷ О доводах в пользу того, что преторы в Риме регулярно брали на себя судебные разбирательства по уголовным делам см.: *Mantovani D.* *Il pretore giudice criminale in età repubblicana* // *Athenaeum*. 1990. 77. P. 19–49.

лики, – эпоху творчества и экспериментов. Первое свидетельство – найденные в святилище Аполлона в Кларосе два почетных декрета в честь двух знатных граждан Колофона: Полемея, сына Пантагнота, и Мениппа, сына Аполлонида⁸. То, что эти надписи относятся к первым годам существования провинции, можно заключить, помимо прочих соображений, из упоминания в декрете в честь Мениппа (II. 43) о наместничестве Квинта Муция Сцевола в 120–119 гг. до н.э., а также судя по усилиям, приложенным обоими адресатами для того, чтобы завязать отношения с «римскими лидерами» – добиваясь покровительства наместников и принятия решений сената в интересах Колофона – особенно в свете волнений, вызванных восстанием Аристоника (Polemaios I. 33 sqq.). Однако нас здесь особенно интересуют действия Мениппа и Полемея в связи с проблемами судопроизводства. В надписи говорится, что когда один из граждан был осужден римским судом в провинции, Полемей предпринял посольство к римскому наместнику и там ему удалось добиться отмены приговора, сохранив в целостности и невредимости и гражданина, и законы (Polemaios II. 49 sqq.). Он также каким-то образом защитил других граждан города от неоправданных судебных преследований со стороны римских властей (ibid. 58 sqq.). Менипп, в свою очередь, пять раз брал на себя посольства в Рим. Целью четвертого из них было выразить протест против действий наместников, изымавших разбирательство судебных дел из местной юрисдикции под свою собственную власть и требовавших от граждан Колофона предоставления гарантий их явки на суд к нему (Menippos I. 23 sqq.; 29 sqq.). Сообщается, что адресату надписи удалось добиться выделения автономного города из территории провинции, так как сенат постановил, что римляне должны подлежать суду Колофона в том случае, если кем-то из граждан этого города против них выдвигается обвинение или они сами кого-то обвиняют. Последнее посольство Мениппа состоялось, когда один гражданин Колофона был вызван в Рим по обвинению в тяжком преступлении – убийстве римского гражданина, которое должно было разбираться консулами (ibid. 27 sqq.). Видимо, в данной ситуации Менипп действовал как один из адвокатов колофонца и добился оправдания обвиняемого. Этот случай – интересная параллель к одному из рассказанных Цицероном, в котором влиятельный гражданин Эфеса был точно так же вызван в Рим после нападения на квестора Марка Аврелия Скавра (Cic. 2 Verr. 1. 84–85).

Эти тексты проливают свет на то, каким образом город, претендовавший на автономию, добивался ее на практике, отстаивая независимость своей юрисдикции от суда наместника. Очевидно, однако, что первоначально наместники считали, что действительно имеют право вершить правосудие по крайней мере по некоторым делам, возникавшим в Колофоне. Кроме того, насколько можно судить по этим текстам, хотя Колофон и обеспечил себе признание значительной автономии, ясно, что это была привилегия, за которую нужно было бороться и которая не предоставлялась полисам Азии в общем порядке. Похожая привилегия была дана народу Хиоса сенатусконсультом 80 г. до н.э. Мы знаем об этом, так как позже, во времена Августа, развернутая ссылка на нее использовалась как аргумент в апелляции к проконсулу на судебное решение, вынесенное Антистием Ветом. Постановление сената даровало хиосцам право пользоваться законами и обычаями, существовавшими до вступления в дружественные отношения с Римом, избавляло их от τύπος наместников и требовало от римских граждан, живших на Хиосе, подчинения хиосским законам⁹. Как доказывал Маршалл, первоначальное *senatus consultum* представлял собой, видимо, ответ на какую-то конкретную проблему – возможно, связанную с возмещением римлянам после Митридатовой войны их утраченной собственности на Хиосе. Выдвинутое также Маршаллом предположение, что он не делал римлян подсудными

⁸ Robert J., Robert L. Claros I: les décrets hellénistiques. P., 1989; Ferrary J.-L. Le statut des cités libres dans l'empire romain à la lumière des inscriptions de Claros // CRAI. 1991. P. 557–577.

⁹ RDGE. № 70; SEG. 1967. 22. № 507, особенно строки 14 сл.; Marshall A.J. Romans under Chian Law // GRBS. 1969. 10. P. 255–271.

хиосскому суду, в свете новых кларосских надписей стало представляться весьма маловероятным¹⁰. Τύπος означает нечто вроде decretum или, возможно, formula¹¹. Если принять последнее, то вполне возможно, что хиосцы были освобождены лишь от суда наместника по гражданским делам. Но в любом случае ясно, что римские наместники были склонны исходить из того, что они определенно имеют право вмешиваться в дела общины, автономия которой римляне признали, если только этому не препятствовало особое постановление, принятое в форме сенатусконсульта или закона. Это не значит, что они поступали так всегда: автономия свободного полиса означала, что судопроизводство там, как правило, не было сосредоточено в руках римского магистрата, на что и указывает Цицерон (Pro Flac. 71), противопоставляя свободную Аполлонию Пергаму, Смирне и Траллам. Но комментируя вмешательство брата, бывшего наместником провинции Азия, в ход судебного разбирательства в Аполлонии, он осуждает не вмешательство само по себе, а лишь то, что Квинт нарушил римские, да и греческие принципы, пытаясь вынести решение по делу, как если бы он был судьей, вместо того, чтобы просто отправлять правосудие в качестве магистрата (Q. fr. 1. 2. 10).

Это подводит меня к спорному моменту в вопросе о характере деятельности римского наместника в сфере гражданского судопроизводства и ко второму основному блоку имеющихся свидетельств. Принято считать, что римские наместники действительно сами вершили суд в большинстве гражданских дел, выносившихся на их рассмотрение. Судя по положению закона о преторских провинциях, касающемуся передачи полномочий (Cnidus. IV. 32 sqq.), очевидно, что при Республике, как и в последующее время, они имели право делать это. Тем не менее только что упомянутый упрек Цицерона Квинту, а также его замечания в речи «В защиту Флакка» наводят на мысль, что первоочередной задачей наместников было вершить правосудие так, как это делали praetor urbanus или praetor peregrinus¹². Другими словами, наместник должен был выслушать заявление истца, решить, предоставлять ли ему иск или нет, и после этого назначить судью или судей для слушания дела, указав в формуле то, что именно истец обязан был доказать.

В ряде текстов подразумевается, что при рассмотрении гражданских дел наместник скорее назначал судью или rescriptatores, нежели судил сам. К ним относятся описание Цицероном организации гражданского судопроизводства на Сицилии в соответствии с Рупилиевым законом (2 Verr. 2. 32–33), а также сенатусконсульт о привилегиях Асклепиада и других навархов (RDGE. 22. 7 sqq. Lat.; 18 sqq. Gr.) и четвертый Киренский эдикт (SEG. 9. 8. № IV, 65 sqq.), где за σμψβοϋλιον κριτῶν, который может назначаться наместником для рассмотрения уголовных дел, не являющихся тяжкими преступлениями, вероятно, кроются как rescriptatores, так и некая разновидность коллегии по уголовным делам (quaestio). В знаменитом пассаже о провинциальном эдикте Цицерона рассказ о назначении им судей-греков по смыслу связан с отправлением им правосудия подобно претору в Риме, а никчемные греческие судьи сравниваются с второсортными людьми, которых могли назначать судьями в Риме (Att. 6. 1. 15, см. также сравнение Цицероном себя самого с А. Плотием, претором, отправляющим правосудие в Риме, – Att. 5. 15. 1).

Проведение параллели между наместником и претором в Риме было подкреплено данными бронзовой таблицы из Испании, tabula Contrebiensis. В этом документе речь идет о споре между общинами, а не частными лицами. Но в остальном тяжба схожа с теми, которые возникали между отдельными людьми, и действия наместника подтверждают это. Текст представляет собой протокол решения сената Контребии Бе-

¹⁰ Marshall. Romans... P. 262 ff. Cp. Ferrary. Op. cit. P. 574.

¹¹ Marshall. Romans... P. 257 f. О том, что τύπος могло соответствовать латинскому слову formula в значении «перечень общин в провинции», см. также Reynolds J.M. Aphrodisias and Rome. L., 1982. № 14, 1.3.

¹² Cp. Mitteis L. Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreich. Lpz, 1891. S. 132; Wassak M. Zur römischen Provinzialprozess. (Sitzungsber. der Akad. der Wiss. in Wien. Phil.-hist. Kl. 190. 4). Wien, 1919.

лаиски от 15 мая 87 г. до н.э., принятого после того, как наместник Г. Валерий Флакк поручил этому сенату разобрать в качестве суда присяжных тяжбу между общинами Salluienses и Allavonenses о правах на землю и воду¹³. Большая часть текста следует образцу формулы, которую претор в Риме давал тяжущимся в рамках гражданского процесса. Сначала члены сената Контребии были назначены судьями по делу. Затем им в общей форме были представлены два предмета спора: «Если выяснится, что X, то пусть они вынесут решение, что X, если же нет, тогда пусть решат, что не-X». Первый спорный вопрос состоял в том, действовали ли в рамках своих прав Sosinestani, продав некий участок земли Salluienses без согласия Allavonenses, явно заинтересованных в этом деле. Каковы должны были быть последствия этой сделки в случае признания ее в судебном порядке не имеющей законной силы, точно не сказано, но надо думать, что она стала бы юридически ничтожной. Второй пункт спора – вправе ли Salluienses строить силами общины канал на земле сосинестанов. Именно здесь возникли осложнения. Salluienses уже наметили вехами линию своего канала на участке, считавшемся общественной землей сосинестанов, но это имеет силу только при условии, что Sosinestani обладают статусом civitas. Последнее допускается, чтобы дать ход делу, при помощи характерного для римского права приема – фикции, на что указывает *imperf. con.*, выражающий противоречащее действительности предположение в настоящем времени (стк. 6). Тогда возникает вопрос, имеют ли Salluienses право сооружать канал здесь, а также (этот спорный момент неуклюже привязывается к предшествующему союзом «aut») имеют ли они право проводить канал по частной земле сосинестанов там, где это можно сделать, при условии, что в любом случае они выплатят стоимость земли, которую используют таким образом. Если будет принято решение, что Salluienses действительно имеют это право на условиях денежной компенсации, то они обязаны произвести выплату в размере, определенном коллегией из пяти присяжных, отобранных магистратом из состава его собственного сената. Сенат Контребии принял решение в пользу Salluienses.

Здесь мы видим, как римский наместник прибегает к помощи римской процессуальной терминологии, чтобы выразить суть спора, которому, без сомнения, имелись приблизительные параллели в Италии, но в некоторых отношениях он был характерен именно для этой области (это относится, в частности, к структуре общин и природе сервитутов, связанных с водой). Наместник возлагал вынесение решения по делу на судей, бывших, в сущности, паломниками (иностранцами), ожидая от них понимания римских формул и тонкостей латинского языка. С другой стороны, права, получавшие признание в данном случае, – именно те, которые были понятны в этой части Испании. Здесь мы имеем параллель практике Цицерона, передававшего рассмотрение дел судьям-иноземцам; можно видеть, насколько хорошо двухступенчатая процедура римского гражданского судопроизводства подходила для этого и, в частности, как она могла быть использована для вынесения решения на основе местного права в том случае, если это считалось желательным. Мы не можем сказать исходя только из этой таблицы, свершилось ли правосудие. Должно оставаться под вопросом, что дело сознательно было представлено в благоприятном для Salluienses свете. Однако в принципе можно усмотреть здесь возможности для осторожного вмешательства наместника с помощью использования римской системы судопроизводства.

В эпоху принципата процесс, который мы наблюдали в зародыше, продолжался. Уже упоминавшийся текст из Хиуса (RDGE 70) свидетельствует о том, что по определенным типам дел в некоторых общинах по-прежнему существовало независимое местное судопроизводство. Даже там, где общины в целом были подчинены юрисдикции наместника, рассмотрение дел, не относящихся к категории тяжких преступлений, вполне могло быть поручено судье-неримлянину или неримскому суду, как это

¹³ AE. 1979. № 377; *Fatas G. Contrebia Belaisca II*. 1980. P. 7–128; *Richardson J.S. The Tabula Contrebiensis: Roman Law in Spain in the Early First Century B.C.* // JRS. 1983. 73. P. 33–41.

является, например, из Киренских эдиктов (EJ 311. I; IV). В то же время важнейшей задачей наместника было отправление правосудия и, конечно же, личное участие в качестве судьи в некоторых делах (IV Киренский эдикт упоминает о *cognitio*, проводившемся магистратом самолично).

В заключение позвольте мне сослаться на два других недавно обнаруженных документа, подчеркнув их значение для упомянутого процесса. Текст *Lex Irmitana*, один из многих текстов на бронзовых таблицах, найденных в последнее время в Испании, – самый полный текст муниципального закона, которым мы располагаем¹⁴, и он с наибольшей полнотой показывает, каким образом обращались с испанскими общинами, которые после наделения их латинским правом были включены в сферу действия права римского. До какой степени это происходило в Ирни, становится ясно из статьи, предписывавшей, что в случае отсутствия специального положения, регулирующего судебное разбирательство между гражданами муниципия, оно должно проводиться в соответствии с процедурами, используемыми римскими гражданами согласно нормам *ius civile* (93). Но параллель с принятой в Риме процедурой используется также и при выборе между отдельными *iudices* и коллегиями *rescriptores* (89), а также при формулировании правил, определяющих порядок предоставления отсрочки и график слушания дел в суде (91). Однако в *lex Irmitana* есть данные и об отношении общин с наместником. Юрисдикция магистратов в Ирни в целом, как ожидалось, должна была соотноситься с *album* наместника провинции (85). Сферой ее действия признавались тяжбы между частными лицами на сумму 1000 сестерциев или меньше, которые не могли стать *praedictum* для новой тяжбы на большую сумму и которые не были связаны с делами, где имело место насилие либо разбирался вопрос о состоянии свободы (*status libertatis*) или где осуждение влекло за собой бесчестье (*infamia*). Однако даже такие тяжбы могли разбираться в местных судах с согласия обеих сторон, если только это не было *praedictum* по делу о состоянии свободы – согласно Ульпиану, таково было предписание *lex Iulia de iudiciis privatis* (84).

Здесь прямо засвидетельствовано либеральное отношение римлян к местному правосудию. Даже там, где община была полностью включена в сферу действия римского права, дела могли разбираться на местах, если было на то желание: но если одна из сторон в тяжбе, уровень которой превышал какой-то обычный, изъясляла желание воззвать к правосудию римского магистрата, за ней признавалось это право. Я полагаю, что это был общий принцип, применявшийся также и по отношению к общинам неграждан. Он избавлял римских должностных лиц от перегруженности малозначительными делами, но оставлял за каждым право апеллировать к могуществу римской власти и давал римским магистратам возможность принимать на себя бремя решения, когда это было в интересах одной из сторон.

Разумеется, некоторые провинциалы брали на себя инициативу в использовании процедур римского права. Экзотический пример недавно был обнаружен среди папирусов, найденных недалеко от Мертвого моря, точнее, в архиве иудейской женщины по имени Бабата, жившей в деревне вблизи Петры в римской провинции Аравия в годы правления Адриана, пока ей, должно быть, во время восстания Бар-Кохбы не пришлось спастись бегством в район Мертвого моря¹⁵. Документы из архива, составленные по-гречески, основаны на смешении римского права, эллинизированного права набатейской Аравии и права иудейского, в то время как документы на арамейском языке базируются на иудейском праве. Бабата была второй женой Иуды, сына Элеазара Хтусиона, в полигамном браке, и после его смерти привлекла первую жену, Мириам, к суду наместника Гатерия Непота в связи с захватом ею имущества в доме умершего мужа. Чтобы добиться своего, Бабата воспользовалась правовым инструментом, схожим с римским *vadimonium* (P. Yadin 26).

¹⁴ Gonzalez J. *The lex Irmitana: a New Copy of the Flavian Municipal Law* // JRS. 1986. 76. P. 147–238.

¹⁵ P. Yadin, опубликовано: Lewis N., Katsoff R., Greenfield J.C. *The Documents from the Bar-Kochba Period in the Cave of Letters. Greek Papyri, Aramaic and Nabataean Signatures and Subscriptions*. Jerusalem, 1989, см. также Goodman M. *Babatha's Story* // JRS. 1991. 81. P. 169–175.

Другие документы демонстрируют ее усилия обеспечить финансовую поддержку своему осиротевшему сыну Иисусу со стороны его опекунов. В этих текстах есть три примера одной и той же типовой формулы римской *actio tutelae*, написанные по-гречески (P. Yadin 28–30). Видимо, они были тщательно скопированы для нее на тот случай, если бы она захотела воспользоваться ими как наилучшим средством выиграть дело в суде у наместника.

Это прекрасная иллюстрация того, каким образом римская правовая процедура могла проникать в социальную среду, в которой действовали различные правовые системы. В Ирни, сколь восприимчивыми к новому не могли бы мы представить себе его горожан, римское право внедрялось директивой, за которой стояла власть императора. В Аравии, видимо, лет 50 спустя использование римского права и обращение к юрисдикции наместника было своего рода стратегией, к которой истец мог прибегать для того, чтобы выиграть дело*.

LAW AND JURISDICTION IN THE ROMAN EMPIRE

A. Lintott

A roman magistrate abroad possessed all the powers of jurisdiction, judgement of cases and making judicial orders that the praetors at Rome possessed. Indeed, unlike praetors at Rome, he might exercise civil jurisdiction and criminal investigation concurrently. However, he was limited in the exercise of these powers by the time at his disposal, the geography of the area he was administering and his lack of subordinates. No system of jurisdiction seems to have been laid down formally for provincial magistrates in the early years of Rome's empire outside Italy. The first evidence of a systematic approach is the so-called *lex Rupilia* created for Sicily ca. 132 B.C. It is likely that jurisdiction developed initially to a great extent as a response to the demands of Rome's allies and subjects, although a Roman magistrate would obviously intervene, if he saw that a Roman interest was at stake. However, such intervention would have made a powerful impact, especially as Roman magistrates in principle operated according to Roman law, the law they knew and thought superior to other systems. This was, however, mitigated by the fact that in civil cases, they seem to have regularly employed the two-part procedure characteristic of Rome, whereby the magistrate, after hearing the pleas, appointed a judge or judges and provided them with a *formula*, which comprised the terms in which they were to assess the evidence and give judgement. Such judges might be non-Romans who would be able to apply their own local law.

A number of inscriptions, many of them only recently discovered, shed light on the nature of Roman jurisdiction. Among these are the Claros texts, relating to the intervention of Roman governors in the autonomous jurisdiction of free cities, and the table from Contrebia recording the settlement of a dispute over land and water-rights according to the procedure of Roman civil law. Under the Principate we find the contrast between the *lex Irnitana*, compelled Irni to adopt the Roman civil law in consequence of its acquisition of Latin rights, and the documents in the Babatha archive, which show a Jewish widow resorting to the procedures of Roman law, rather than Jewish law or the hellenized law of Nabataean Arabia, in order to win her case.

---

* Перевод О.Г. Колосовой.